

Шестая авеню в районе Вебер, бегущая всего в трех километрах от Золотого берега, издавна славилась своими роскошными отелями. Но даже среди них выделялся отель «Сизон» — высочайший небоскреб на всей улице, с вершины которого открывался завораживающий вид на залитый огнями ночной берег. Именно здесь, на тридцать восьмом этаже, и жил Морис.

Огромные апартаменты площадью в двести квадратных метров могли похвастаться собственным висячим садом с открытым бассейном. Но, несмотря на роскошь и простор, жилье казалось заброшенным и неуютным. Морис обитал здесь в полном одиночестве, и от гулкой пустоты этих стен веяло сквозняком.

Хань Цзин огляделся. Строгий интерьер больше напоминал безликий гостиничный люкс, нежели жилой дом: ни комнатного цветка, ни аквариума с рыбками, даже ни одной фотографии на стенах. Идеальный, почти хирургический порядок во всем полностью отражал замкнутый нрав хозяина, но лишал квартиру даже намека на домашний уют.

— И ты все время живешь здесь? — Хань Цзин невольно поежился: от царившей вокруг пустоты по коже пробежал легкий холодок.

— Да, — безучастно отозвался Морис.

Подойдя к барной стойке, он привычным жестом налил в стакан ледяной воды и потянулся к аптечной коробке.

Хань Цзин нахмурился и решительно перехватил стакан.

— Не пей ледяную воду, тебе же станет только хуже, Морис...

— Пустяки, — сухо оборвал тот. — Я привык.

Хань Цзин вспыхнул от досады.

— К чему ты привык? К вечной боли? Или к этой непрекращающейся тошноте? Ты совершенно не умеешь о себе заботиться. Иди приляг, а я сварю тебе теплой каши.

Морис хотел было отказаться, но осекся, почувствовав, как чужая теплая ладонь мягко накрыла его пальцы. Он поспешно отдернул руку, чувствуя, как к лицу приливает жар, но в ту же секунду Хань Цзин подался вперед и поцеловал его.

Морис резко отпрянул, гневно уставившись на Хань Цзина. В его ледяном взгляде на мгновение промелькнуло замешательство, смешанное с едва уловимой тревогой. Он смутно чувствовал: сегодня все будет по-другому.

— Я сварю тебе пшенной каши с тростниковым сахаром, — мягко сказал Хань Цзин. — Сначала съешь что-нибудь теплое, а уже потом примешь таблетки. Так лекарство не вызовет спазмов и тошноты.

Он заглянул в холодильник. Как и следовало ожидать, полки были девственно чисты — лишь батарея бутылок с алкоголем да формочки для льда. Покачав головой, Хань Цзин открыл принесенный с собой пакет и принялся аккуратно раскладывать продукты: молоко, бекон, свежие яйца.

— Может, хочешь чего-то особенного, Морис?

Морис промолчал. Некоторое время он просто наблюдал за хлопочущим у плиты Хань Цзином, а затем молча прошел в гостиную и опустился на диван.

Активировав портативный терминал, он уставился на бегущие по экрану строчки данных. Его тонкие длинные пальцы привычно запорхали по клавишам, внося правки, однако работа спорилась плохо. Морис то и дело замирал, прислушиваясь к мягкому шуму посуды и вдыхая тонкий, непривычно сладкий аромат, постепенно заполнявший холодную квартиру.

«Морис, тебе нравится?»

Ласковый голос, теплая улыбка... Из глубин памяти неожиданно выплыл образ прекрасной золотоволосой женщины.

Вот она отвлекается от домашних хлопот, наклоняется к нему, и в ее синих глазах светится безграничная нежность:

— Не плачь, глупый. Отец очень занят на службе, поэтому не смог приехать. Ты должен быть послушным мальчиком, Морис. Съешь кусочек, мама приготовила это специально для тебя. Чувствуешь, какой нежный, сладкий вкус? Совсем как папина любовь к тебе. Ты должен быть сильным и никогда не плакать. — Она ласково коснулась его детской щеки. — Ты единственный наследник рода Норманов, а значит, обязан быть несгибаемым.

«Мама...»

Морис прижал ладонь ко лбу. Сегодня воспоминания о детском тепле нахлынули с новой силой — о тепле, которое давным-давно, еще в его отрочестве, навсегда погребла под собой холодная могильная земля.

«С тех пор я научился чувствовать тепло. Я начал его бояться. Но сегодня...»

«Неужели все из-за него?»

Морис поднял глаза на приближающегося Хань Цзина. В его мягкой улыбке чудилось что-то смутно, до боли знакомое.

— На утро я тоже все приготовил, тебе останется только разогреть, — Хань Цзин протянул Морису пиалу с исходящей паром кашей. Заметив странную тень на его лице, он тихо спросил: — Что такое? Все еще нездоровится?

— Нет, мне уже гораздо лучше, — отстраненно ответил Морис. — На самом деле... тебе вовсе не следовало так утруждаться.

Он сделал первый глоток, ощущая едва заметную сладость. От согретой пиалы к кончикам пальцев потекло мягкое тепло, медленно поднимаясь выше, к самому сердцу.

— Держи, запей таблетки. Я положил тебе совсем немного, чисто символически, чтобы согреть желудок.

В руку Мориса скользнул стакан с теплой водой. Еще одна волна тепла — теперь куда более осязаемая — разлилась по телу, даря забытое, почти пугающее чувство покоя.

— Ты дорог мне, Морис. На сегодняшнем приеме единственным, кого я действительно хотел видеть, был ты. И больше никто, — тихо признался Хань Цзин, едва Морис отставил пустой стакан. Вглядываясь в точеные, холодные черты лица генерала, он добавил: — Не нужно отгораживаться от меня этой вежливостью. Разве мы не близки? Мы делим постель каждую ночь, и мне хочется верить, что я тебе тоже небезразличен. Ведь это так, Морис?

«Небезразличен?..»

В прозрачной глубине глаз Мориса на миг промелькнуло секундное замешательство, но взгляд почти сразу же остекленел, вновь подернувшись привычной ледяной коркой.

— Это исключено, — отрезал он, и голос его прозвучал хлестко и безжалостно.

Однако Хань Цзин, знавший его лучше, чем кто-либо другой, отчетливо уловил за этой ледяной маской едва заметное колебание.

— У тебя кто-то есть? — не отступал Хань Цзин.

— Нет.

— Или в твоём сердце все еще живет кто-то из прошлого?

— На что ты намекаешь, Хань Цзин? — Морис мгновенно вскипел, его взгляд сверкнул ледяной яростью.

Хань Цзин с полуулыбкой посмотрел на этого неприступного человека.

— Если в твоей жизни никого нет, тогда ради чего все наши безумные ночи? Зачем ты раз за разом отдаешься мне, позволяя брать себя? Неужели после всего этого ты посмеешь сказать, что я тебе безразличен?

Морис замер, не зная, что ответить; он был связан с ним лишь из-за оков Атлантиды, и только Хань Цзин мог унять временные мучения, подобно действию препарата Содиум.

Но произнести эти унижительные слова вслух он не мог. Пока он медлил с ответом, Хань Цзин подался вперед и крепко обнял его, прижимаясь всем телом.

— Я очень люблю тебя, Морис.

Хань Цзин почувствовал, как Морис в его руках мгновенно обратился в камень, готовый в любую секунду применить силу и оттолкнуть его. Чтобы усмирить это сопротивление, он прильнул губами к чувствительной коже за его ухом, медленно ведя дорожку обжигающих поцелуев вниз, к шее и плечу.

Морис предпринял попытку защититься, но истощенное, изнывающее от сверхчувствительности тело предательски отозвалось на прикосновения. Сердце испуганно замерло, и в занесенный удар ушло едва ли три сотых былой мощи.

Их возня больше напоминала безмолвную схватку, в которой они неизбежно терлись друг о друга разгоряченной кожей. Дыхание Мориса быстро сорвалось на рваный шепот, а внизу живота вспыхнул непреодолимый, мучительный жар.

Ощущая, как стремительно разгорается это тело, Хань Цзин понимал, что Морис снова сдается во власть страсти. Каким бы упрямым и неприступным ни казался этот гордец, его плоть не лгала — разве могла она с такой силой откликаться на мимолетные ласки, будь он действительно безразличен?

Хань Цзин тихо, с нежной укоризной вздохнул. Он крепче привлек Мориса к себе, позволяя своим прохладным пальцам скользить по раскаленной, влажной коже. Морис вздрогнул от этого контраста, издав тихий стон, и мгновенно обмяк, содрогаясь всем телом.

— Позволишь мне, Морис? — Хань Цзин замер, вглядываясь в его лицо. Опасаясь причинить ему боль, он не решался перейти к более откровенным ласкам.

Морис крепко зажмурился и резко отвернулся, испытывая жгучий, непереносимый стыд за

собственную слабость. Однако его тело, вемое порочной памятью прошлых ночей, уже само льнуло к партнеру. То ли от бессильной ярости, то ли от изнуряющей похоти, пальцы Мориса мертвой хваткой впились в плечи Хань Цзина, сжимая их с такой силой, словно собираясь раздробить суставы.

Игнорируя боль, Хань Цзин приподнял Мориса, бережно усаживая к себе на колени. Тот льнул к нему всем существом; его прерывистое дыхание обжигало шею Хань Цзина, а на точеных, вечно бледных щеках расцвели лихорадочные пятна румянца.

— Давай не здесь, перейдем в спальню, — Хань Цзин мягко перехватил чужие ладони, которые уже нетерпеливо терзали ткань его одежды. За последние месяцы страсть Мориса стала пугающе ненасытной. Трудно было представить, что под этой безупречной ледяной коркой скрывается клокочущее жерло действующего вулкана.

— Ах... м-м...

Ощущая, как глубоко и властно горячая плоть заполняет его изнутри, Морис прерывисто стонал, содрогаясь от каждой новой волны удушающего, острого наслаждения. Тело плавилось в этом огне, превращая остатки хваленной гордости и холодного рассудка в пепел. Он метался на шелковых простынях; его длинные золотые волосы разметались по влажным от пота плечам, бледная кожа покрылась нежным, почти стыдливым румянцем, а в обычно суровом взгляде задрожали непролитые слезы наслаждения.

— Я люблю тебя, Морис...

Привычные признания, срывающиеся с губ партнера, Морис старался не замечать, точно так же, как люди не замечают воздух, которым дышат. Он ловил губами кислород, судорожно цепляясь за плечи Хань Цзина и безумно, до изнеможения двигаясь навстречу каждому новому толчку. Каждый удар отзывался в нем сладкой судорогой, заставляя всхлипывать и выгибаться. Словно безумный мотылек, летящий на костер, он сгорал в этом противоречивом союзе льда и пламени, жажда лишь одного — забыться в изнуряющих ласках.

— Ты любишь меня, Морис?

Хань Цзин осыпал нежными поцелуями его разгоряченное лицо, заметно замедляя темп. Морис распахнул затуманенные похотью глаза и нетерпеливо выгнул спину, отчаянно требуя продолжения. Однако партнер лишь крепче держал его в объятиях, намеренно лениво дразня самые чувствительные точки и затягивая сладкую, невыносимую пытку.

— Ты любишь меня, Морис?

Этот настойчивый шепот продолжал звучать над самым ухом, раз за разом пробиваясь сквозь пелену безумия к самому сердцу, тонущему в бездне страсти.

В какой-то момент Морису удалось вернуть крупницу контроля. Осознав, насколько постыдно он себя ведет — выгибаясь навстречу чужим толчкам и покорно разводя бедра, — он пришел в ярость от собственного бесстыдства. Но стоило ему попытаться вырваться, как очередное движение Хань Цзина пришлось точно в цель. Сокрушительная волна оргазма накрыла его с головой; Морис сорвался на крик, но тут же отчаянно закусил нижнюю губу.

— А-ах!..

Пальцы Мориса до белизны суставов впились в смятые простыни. Его ускользающий разум окончательно сдался под натиском вязкой, липкой страсти, которая, точно прочнейшая шелковая нить, медленно свивала вокруг него глухой, непреодолимый кокон.

— Я люблю тебя, Морис...

— А ты, Морис? Неужели ты не чувствуешь того же?

От этого шепота было не укрыться. Эти признания отдавались в сознании Мориса, подобно тяжелым каплям, пускающим круги по спокойной воде. Потеряв контроль, он обхватил Хань Цзина за шею и первым потянулся к его губам, всем своим исступленным телом отвечая на эту безумную нежность.

Они целовались взахлеб, теряя связь с реальностью. Сплетенные воедино тела двигались в идеальном, первобытном ритме. Каждое глубокое соитие дарило Морису почти осязаемое блаженство; каждый раз ему казалось, что он уже достиг предела, но следовал новый толчок — и Хань Цзин утягивал его на еще более головокружительную высоту, где грань между мучительной сладостью и чистым экстазом окончательно стиралась.

Почувствовав этот небывалый, отчаянный отклик, Хань Цзин окончательно потерял голову. Сдерживаться больше не было сил: его толчки стали быстрыми, сокрушительными, безошибочно бьющими в цель. Крепче прижав к себе содрогающегося под ним генерала, он сжал ладонь на его напряженном члене, лишая всякой возможности излиться без его воли.

— А-ах!.. Отпусти... умоляю... пусти!..

Морис зашелся в судорожном хрипе. Он пытался вырваться из сводящей с ума хватки, но его пах продолжал инстинктивно прижиматься к ладони партнера, в то время как изнутри его настигали новые сокрушительные толчки. Эта невыносимая двойственность терзала его, лишая воли и сил.

— Потерпи еще секунду... давай вместе... — тяжело дыша, Хань Цзин намертво зафиксировал рвущееся из рук тело, ощущая, как горячие, влажные стенки внутри сжимают его в тисках предсмертной судороги.

Морис беспомощно всхлипывал, теряя связь с миром. Его левая рука вслепую скользнула по подушке, натываясь на ладонь Хань Цзина — пальцы судорожно переплелись, намертво сцепляя их в момент сокрушительной разрядки...

Комната все еще дышала тяжелым, хмельным жаром безумной ночи. Морис, как и всегда, лишился чувств на самом пике удовольствия. Хань Цзин долго лежал неподвижно, бережно перебирая шелковистые золотые пряди и осыпая поцелуями спящего генерала. Лишь спустя полчаса он осторожно высвободился из объятий и поднялся с постели.

Набросив на спящего легкое покрывало, Хань Цзин залюбовался его точеным лицом и снова не удержался от поцелуя. Морис спал глубоко и спокойно. На его губах блуждала едва заметная полуулыбка, а черты лица разгладились, явив ту мягкость, которой от холодного генерала невозможно было добиться наяву.

«Что тебе снится, Морис?»

Хань Цзин тепло улыбнулся, и в его глазах отразилась бесконечная нежность. Сегодняшняя ночь, страстная и откровенная, дала ему все ответы, которые он так долго искал.

Хань Цзин наскоро ополоснулся под горячим душем, накинул махровый халат и бесшумно прокрался в гостиную. Наводя порядок на журнальном столике, он случайно задел локтем открытый портативный терминал.

«Надо же, после всего... он даже забыл его заблокировать».

Хань Цзин покачал головой. Он прекрасно знал, что на этом устройстве хранятся файлы строжайшей секретности; Морис бдительно оберегал свои тайны и никогда не позволял к ним прикасаться.

«Ладно, просто закрою».

Хань Цзин снисходительно улыбнулся, не испытывая ни малейшего желания шпионить. Но в ту секунду, когда его пальцы коснулись крышки терминала, взгляд непроизвольно скользнул по светящемуся дисплею. Улыбка мгновенно сползла с его лица, а в груди все похолодело.

Взгляд намертво прикипел к экрану, словно на грудь навалилась невидимая бетонная плита.

«Похоть». «Атлантида». «Проклятие». «Ящик Пандоры».

Эти слова, вспыхнувшие на дисплее, содержались в отчете, к которому Хань Цзину никогда не следовало иметь доступа. Но из-за случайного касания окно свернулось, явив скрытый документ. На экране красовалось подробное исследование древних мифов об Атлантиде, испещренное хаотичными, сделанными наспех пометками.

Рука Хань Цзина мелко задрожала. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он коснулся сенсорного экрана.

Он принялся лихорадочно искать связанные файлы, как вдруг наткнулся на ссылку, в которой раз за разом повторялось его собственное имя — Хань Цзин.

Не в силах совладать с любопытством, он открыл документ. Это оказался личный журнал Мориса, расписанный по датам...

[Запись от 12 марта]

[Я вернулся после инцидента в Атлантиде. Я до сих пор не могу принять ту жуткую иллюзию, хочу лишь стереть ее из памяти. Но кто же знал, что ее влияние на этом не закончится? Она продолжает преследовать меня.]

[Запись от 18 апреля]

[Это становится невыносимым. Мне пришлось обратиться к Марко. Надеюсь, Содиум или Диклофенак помогут мне заглушить этот позор, о котором я даже не могу рассказать вслух...]

[Запись от 24 мая]

[Дозировка препарата постоянно растет, но справляться с этим все труднее... Неужели это действительно Проклятие Атлантиды?]

[Запись от 15 июня]

[Я схожу с ума. Марко подтвердил мои худшие опасения: у организма развилась резистентность, и действие лекарства стремительно сокращается. Что мне делать?!]

[Запись от 19 июля]

[Я больше не могу переносить даже малейшее тепло. Ситуация усугубляется: приступы начали наступать меня прямо во время службы. Это проклятие пытается поработить меня? Никогда! Мне приходится сдерживаться из последних сил, я не сплю ночами. Возможно... мне все-таки придется встретиться с ним? Хань Цзин... Само его имя заставляет меня сгорать от стыда.]

[Запись от 8 августа]

[Я впервые в жизни воспользовался служебным положением в личных целях — и все ради этого человека. Как выяснилось, он обычный исследователь из Исследовательского института

С. Ф., абсолютно заурядный... Неужели мне действительно придется последовать совету Марко?]

[Сентябрь]

[Записи отсутствуют]

[Октябрь]

[Записи отсутствуют]

[Запись от 14 ноября]

[Не нужно ни о чем думать... Он для меня — всего лишь замена Содиума. Просто проклятие. Просто позор...]

<http://bllate.org/book/19677/1961529>